

Л.А. Пупышева

**СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО РАССМОТРЕНИЮ
И РАЗРЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ
ПРИГОВОРА, В СВЕТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ВЕРХОВНОГО СУДА РФ**

В статье проанализированы основные правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, касающиеся производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, а также определена роль решений указанных судов для его регулирования. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики выявлены недостатки в правовом регулировании и практике применения норм главы 47 УПК РФ, предложены пути их устранения. Автор приходит к выводу о том, что разъяснения и правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, безусловно, вносят определенную ясность во множество вопросов правового регулирования данного вида производства, при этом множество нерешенных проблем в его законодательной регламентации требуют системного подхода и комплексного решения.

Ключевые слова: суд, исполнение приговора, правосудие, подсудность, право на защиту, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

L.A. Pupysheva

**JUDICIAL PROCEEDINGS TO REVIEW AND RESOLVE ISSUES
RELATED TO THE EXECUTION OF THE SENTENCE WITHIN THE
MEANING OF THE LEGAL DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SUPREME
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article analyzes the main legal decisions of the constitutional Court and the Supreme Court relating to the proceedings on consideration and resolution of issues related to the execution of the sentence and also defined the role of the decisions of these courts for its regulation. Based on the analysis of the current legislation and judicial practice, shortcomings in the legal regulation and practice of applying the provisions of Chapter 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are revealed, and ways of their elimination are suggested. The author comes to the conclusion that the explanations and legal decisions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation inherently bring certain clarity to a multitude of issues of legal regulation of this type of proceedings, while many unresolved issues in its legislative regulation require a systematic approach and comprehensive solutions.

Keywords: judgment, sentence, justice, jurisdiction, right to legal defence, provisional release, substitution of the unserved part of punishment by light punishment.

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, относится к дополнительным (особым) видам производства, основной характеристикой которых является упрощенная процессуальная форма.

Анализ норм главы 47 УПК РФ, регулирующих данное производство, позволяет констатировать его пробельную и вследствие этого неэффективную правовую регламентацию.

Периодическая корректировка норм исследуемой главы УПК РФ (за период действия УПК РФ в главу 47 УПК РФ было внесено более 40 изменений) отнюдь не свидетельствует о динамичности законодательства в этой части и оперативности реагирования законодателя на изменения в социальной, экономической, правовой сфере. Это, к сожалению, показатель нестабильности и изначальной фрагментарности законодательства об исполнении приговора.

При этом фиксируется постоянный рост дел, рассматриваемых судами в порядке главы 47 УПК РФ, что указывает на актуальность исследования проблем правового регулирования и практики применения законодательства об исполнении приговора.

Глава 47 УПК РФ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» включает в себя нормы, определяющие: круг вопросов, связанных с исполнением приговора, и их подсудность (ст. 397 и ст. 396 УПК РФ); правила решения вопроса об отсрочке исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) и рассмотрения ходатайства о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ); порядок разрешения других вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ) и обжалования постановления суда (ст. 400 УПК РФ).

Анализ немногочисленных норм, регламентирующих порядок принятия таких важных решений, как замена наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора и многих других, вынуждает признать неэффективность его правового регулирования.

На наш взгляд, одной из причин несовершенства законодательной регламентации производства по делам об исполнении приговора является его многоаспектность и необходимость использования норм нескольких отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного. К сожалению, межотраслевое правовое регулирование характеризуется несогласованностью норм различных законов, что неизбежно влечет определенные проблемы в правоприменительной деятельности. Производство по делам об исполнении приговора в этом отношении яркий, можно сказать хрестоматийный и классический пример. В данном случае ситуация усугубляется разрозненностью норм внутри самих отраслевых законов, имеющих отношение к исполнению приговора [20].

В условиях дефицита правового регулирования производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, вполне объяснимо привлекает внимание Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

Правовые позиции Верховного Суда РФ изложены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [7], от 20 декабря 2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [5], от 29 мая 2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» [4].

Кроме этого, «установка» на необходимость соблюдения процессуальной формы, защиты прав, свобод и законных интересов участников производства (прежде всего, осужденного) дана в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [6].

Значение указанных разъяснений Пленума Верховного Суда достаточно велико. Обусловлено это тем, что реализация любого принципа во многом зависит от того, как законодатель представил принципиальное положение с учетом специфики деятельности в той или иной стадии уголовного судопроизводства. При отсутствии должного правового регулирования принципа на отдельных стадиях уголовного судопроизводства в практической деятельности возникают сложности [2]. В таких условиях прямым руководством к действию для правоприменителя являются разъяснения высших судебных инстанций, несмотря на отсутствие у них статуса законодательных норм.

Нормы УПК РФ, регламентирующие судебное производство по делам об исполнении приговора, регулярно становятся предметом исследования (рассмотрения) Конституционного Суда РФ. Так, важнейшие правовые позиции органа конституционного контроля посвящены вопросам обеспечения права на защиту в указанном виде производства. Конституционный Суд РФ указал: УПК РФ закрепляет право обвиняемого на помощь адвоката (защитника), при этом терминологически в категорию обвиняемых включены не только лица, в отношении которых вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительный акт, но и, в частности, подсудимые – обвиняемые, по уголовному делу которых назначено судебное разбирательство, а также осужденные – обвиняемые, в отношении которых вынесен обвинительный приговор [12].

Кроме того, Конституционный Суд РФ обратил внимание на следующее: то обстоятельство, что после вынесения обвинительного приговора обвиняемый, согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ именуется осужденным, призвано только обозначить место этого участника в системе стадий уголовного судопроизводства, и не может расцениваться как основание для ограничения его процессуальных прав [3].

В этом отношении нельзя не отметить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в котором внимание судов обращено на то, что обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия. Важнейшее разъяснение дано в п. 1 указанного Постановления: «... правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело (далее – дело) или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица (далее – обвиняемый)».

В этой части правовая позиция Верховного Суда РФ совпадает с подходами к трактовке данного вопроса органом судебного конституционного контроля.

Подобная позиция за исключением редких случаев является в уголовно-процессуальной науке доминирующей. Представляется очевидным, что признание лица виновным в совершении преступления и назначение ему любого вида наказания не могут являться основаниями для ограничения его в конституционном праве на защиту своих прав и законных интересов любыми, не запрещенными законом способами.

Конституционный Суд РФ последовательно проводит «линию», в соответствии с которой Конституция РФ определяет начальный, но не конечный момент осуществления лицом права на помощь адвоката (защитника), поэтому оно должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также при исполнении приговора [14; 15; 16; 18].

Принципиально важной является правовая позиция Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой в ст. 48 Конституции РФ указываются лишь существенные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права ограничены в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. При этом отмечается, что, поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их

конституционно-правовом, а не в придаваемом им в УПК РФ более узком смысле [19].

Конституционный Суд РФ также указал, что реализация конституционного права каждого осужденного просить о смягчении назначенного ему наказания, охватывающая решение вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, предполагает обязанность государства обеспечить рассмотрение судом соответствующего обращения осужденного на основе состязательности и равноправия сторон, с тем, чтобы он имел возможность защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом [8; 9].

На федерального законодателя возлагается обязанность по конкретизации содержания данного права осужденного и установлению правовых механизмов его осуществления, условий и порядка реализации, не допуская при этом искажения существа и введения таких ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями.

Как уже было отмечено, право обвиняемого на защиту должно обеспечиваться на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства, включая стадию исполнения приговора. При этом лицо, допущенное к участию в производстве по уголовному делу в качестве защитника, не утрачивает свои уголовно-процессуальные права и обязанности в последующих стадиях. Наделение же полномочием представлять интересы осужденного в стадии исполнения приговора лишь адвокатов являлось бы неоправданным ограничением конституционного права на юридическую помощь [12; 13; 16].

Право на защиту осужденных подвергается ограничению, так как в первую очередь претерпевают ограничения конституционное право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, и право на получение квалифицированной юридической помощи, которые выступают основополагающими элементами комплексного субъективного права личности на защиту. Речь здесь идет об ограничении способов реализации осужденными права на защиту, при этом ограничение подобного рода должно быть исключительно в рамках, установленных законом.

Знаковым и поистине историческим разъяснением является п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 № 21, которым определена позиция относительно правовой природы судебной деятельности, регламентированной гл. 47 УПК РФ: «рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия».

В связи с внесением дополнений в ч. 3 ст. 399 УПК РФ Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ (в соответствии с которыми вопрос об участии осужденного в судебном заседании решается уже не по усмотрению суда, а в зависимости от волеизъявления осужденного) и разъяснениями Пленума Верховного Суда от 20 декабря 2011 № 21, согласно которым ряд общих условий судебного разбирательства распространен на стадию

исполнения приговора, объективно произошла трансформация этого вида судебной деятельности в одну из форм уголовного правосудия. Традиционное, классическое понимание правосудия как той части деятельности суда, которая направлена лишь на рассмотрение и разрешение дела по существу, т.е. решение вопросов виновности и наказания уже не отражает действительного, реального содержания роли и значения судебной власти в уголовном судопроизводстве [3].

Постановление Пленума Верховного Суда от 21 апреля 2008 № 9 ориентирует суды на обеспечение индивидуального подхода к каждому осужденному, в отношении которого рассматривается и разрешается вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания либо о замене неотбытой части наказания более мягким видом. Следует обратить внимание, что перечень вопросов, которые суды рассматривают и разрешают в стадии исполнения приговора, и обозначенный законодателем в ст. 397 УПК РФ, фактически является открытым. При этом нормы главы 47 УПК РФ используются правоприменителем по аналогии при рассмотрении и разрешении вопросов, прямо не указанных в гл. 47 УПК РФ. Думается, что подобное требование должно касаться любых вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, а также иных вопросов, разрешаемых судами в порядке ст. 399 УПК РФ.

Кроме того, внимание судов обращено на то, что решения о предоставлении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания должны быть законными, обоснованными и справедливыми. Законными должны быть основания для отказа. Перечислены наиболее распространенные в судебной практике незаконные основания. К таковым, в частности, относятся: характер и степень общественной опасности совершенного преступления; наличие дисциплинарных взысканий; отмена ранее предоставленного условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; наличие прежней судимости; непризнание осужденным вины; кратковременность его пребывания в одном исправительном учреждении; наличие возмещенного морального и материального вреда, причиненного преступлением.

Не совсем точным видится разъяснение, данное в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 (введен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 № 51): «Необходимо иметь в виду, что при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд не вправе высказывать суждение о незаконности и необоснованности примененных к осужденному взысканий и поощрений».

Аналогичное разъяснение дано в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 № 9 «О практике назначения и изменения видов исправительных учреждений»: «Решая вопрос об изменении вида исправительного учреждения, суд не проверяет законность взысканий, наложенных на осужденного ... Вместе с тем в случаях, предусмотренных частью 4 статьи 78 УИК РФ, суду надлежит проверить

соблюдение предусмотренных статьей 116 УИК РФ условий и процедуры признания лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания». При этом в данном пункте указано: «Взыскания, наложенные на осужденного за весь период отбывания наказания, подлежат оценке судом в совокупности с другими характеризующими его данными».

На наш взгляд, это лишает возможности осужденного и его адвоката представлять контраргументы позиции администрации учреждения и органа, исполняющего наказания, искусственно создает препятствия для реализации состязательности, и, соответственно, вынесению законного, обоснованного, мотивированного, и, что немаловажно, справедливого судебного решения.

Кроме этого, полагаем, что указанные разъяснения идут вразрез с общими полномочиями суда, закрепленными в ч. 4 ст. 29 УПК РФ: «Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым».

В любом случае, установив в судебном заседании нарушение закона при применении к осужденному мер поощрения и взыскания, суд не может остаться безучастным – судом должно быть вынесено частное постановление.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» уделено внимание подсудности вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. При этом вряд ли объяснимо наличие в указанном Постановлении разъяснений по поводу отсрочки отбывания наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью, в то время как в названии этого документа речь идет только об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Перечисленные вопросы представляют собой комплексные межотраслевые, безусловно имеющие схожие черты, но все же разную правовую природу институты. Необходимость для судов в разъяснениях высшей судебной инстанции по данным вопросам сомнений не вызывает. При этом, полагаем, что наименование официального документа должно соответствовать его содержанию.

Вопросы правового регулирования освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью в последнее время привлекают внимание

институтов гражданского общества, прежде всего Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. (раздел 4.3) указано, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и освобождение от наказания в связи с болезнью традиционно находятся в списке наиболее популярных вопросов. В основном заявители указывают на отдельные случаи затягивания предоставления процедур медицинского обследования и иные действия, которые на практике препятствуют объективному и своевременному рассмотрению указанных вопросов судами [1].

Сегодня при регулировании института освобождения от наказания в связи с болезнью действующим законодательством использована формулировка «могут быть освобождены». Это говорит о том, что наличие у осужденного заболевания, препятствующего отбыванию наказания, не является безусловным основанием для освобождения от него. Судам же предлагается не устанавливать обстоятельства, характеризующие поведение осужденного, его отношение к основным средствам исправления. Так, в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указано: «По смыслу части 2 статьи 81 УК РФ, при решении вопроса об освобождения лица от наказания определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания. Рассматривая соответствующее ходатайство осужденного, суд оценивает медицинское заключение специальной медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы с учетом Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания ... а также принимает во внимание иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения ходатайства по существу». Какие иные обстоятельства должны устанавливаться судом при рассмотрении и разрешении ходатайства об освобождении от наказания в связи с болезнью, из текста данного Постановления не ясно (в отличие от обстоятельств, которые суду надлежит устанавливать при рассмотрении и разрешении остальных вопросов, упомянутых в Постановлении).

Закономерно возникает вопрос о потенциально возможном достижении целей наказания. Реализация подобной правовой позиции (по поводу безусловного освобождения) свидетельствует о проявлении со стороны государства гуманного отношения к лицу, страдающего тяжелой болезнью. Полагаем, что подобная правовая позиция Верховного Суда РФ идет в разрез с положениями действующего законодательства и смыслом данного вида освобождения от наказания.

Поиск решения указанной проблемы, на наш взгляд, должен идти по пути дифференциации института освобождения от наказания в связи с болезнью и разделении его на два самостоятельных вида.

В первом случае суд придает заболеванию лица силу юридического факта, с наличием которого связывается безусловное освобождение от отбывания наказания. Такой вид освобождения от наказания является реализацией гуманного отношения к больным тяжелой неизлечимой болезнью.

Во втором случае суд освобождает лицо от отбывания наказания при наличии у него заболевания с учетом динамики его правопослушного поведения, достижения определенной степени исправления. Такой вид освобождения от наказания не должен быть безусловным. Лицо, осознавая, что в условиях исправительного учреждения создать все необходимые условия лечения и реабилитации объективно невозможно, в том числе в силу режимных требований, условий изоляции и других обстоятельств, а также то, что вне его пределов у него есть шанс выздороветь, воспользовавшись достижениями современной медицины, пройти курс реабилитации, скорректировать свой рацион, должно доказать возможность своего исправления без изоляции от общества.

Как уже отмечалось, судебное производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, является формой осуществления правосудия в уголовном процессе. В связи с этим заслуживает внимания вопрос о подсудности вопросов, связанных с исполнением приговора. Он также затрагивается в разъяснениях высших судебных инстанций (например, п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»). Следует оговориться, что подсудность в данном случае представляет собой совокупность признаков дела об исполнении приговора, позволяющая отнести его рассмотрение и разрешение к полномочиям и компетенции определенного суда.

В судебной практике нередко возникают вопросы с определением суда, к компетенции которого относится рассмотрение и разрешение того или иного вопроса. Вынесение решения судом, к подсудности которого оно не отнесено законом, является существенным нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, влекущим отмену принятого судом решения.

Законодательное установление о том, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела тем судом и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, является одной из конституционных гарантий права каждого на судебную защиту.

Данная гарантия нашла свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и включена в содержание одного из принципов уголовного процесса (ч. 3 ст. 8 УПК РФ «Осуществление правосудия только судом»).

Считаем необходимым обратить внимание на то, что в содержании (в формуле) принципа, закрепленного в ст. 8 УПК РФ, законодателем допущена системная ошибка, поскольку данное право есть не только у подсудимого, которым в соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ является обвиняемый, по

уголовному делу которого назначено судебное разбирательство. В данном случае федеральным законодателем на уровне кодифицированного акта установлен пониженный уровень правовой защиты по сравнению с Конституцией РФ. Очевидно, что указанным правом в полном объеме без каких-либо изъятий и ограничений обладает любое лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства, отстаивающее свои права и законные интересы средствами уголовного процесса.

В этом отношении представляется важным разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, в котором он обращает внимание нижестоящих судов на то, что подсудность уголовного дела, которое закончилось для лица вынесением обвинительного приговора, не влияет на подсудность вопросов об условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда от 21 апреля 2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»).

Надлежит обратить внимание на некоторые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, касающиеся порядка рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Так, например, п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 № 8 указано, что суду следует извещать осужденного, его законного представителя, адвоката, а также администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание, прокурора о дате, времени и месте рассмотрения ходатайства или представления не позднее 14 суток. В этой связи следует подчеркнуть, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ в этой части содержит формулировки («суду следует»), которые носят неоднозначный по сравнению с текстом закона характер (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда от 21 апреля 2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»). Извещать участников судебного заседания – это прямая обязанность суда.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» опять же с использованием формулировки «суду следует» судам предписано обеспечить рассмотрение ходатайств и представлений в разумные сроки.

Вместе с тем установление процессуальных сроков в судебном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, является одним из наиболее острых вопросов, который по-прежнему остается за пределами внимания законодателя и высших судебных инстанций, не вносящих какой-либо ясности в данную проблему. Не произошло этого и в случае с определением каких-либо критериев разумности сроков.

Так, в законодательстве остаются нерешенными вопросы о том, в какие сроки судом должны приниматься решения по поступившим в суд

материалам (о назначении даты, времени и места судебного заседания). Исследование правоприменительной практики, в частности, интервьюирование судей, показало, что в данном случае судьи руководствуются положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего общий порядок подготовки к судебному заседанию и данными Верховным Судом РФ разъяснениями по этому поводу.

Кроме того, в тех случаях, когда происходят выездные судебные заседания, устанавливается периодичность проведения судебных заседаний (например, 1 раз в месяц).

В разъяснениях Верховного Суда РФ прослеживается позиция, в соответствии с которой можно сделать вывод об особом процессуальном положении суда в судебном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Это заключается в том, что в случае необходимости суд оказывает участникам процесса содействие в сборе необходимых сведений. Полагаем, что это не может расцениваться как полномочие суда, противоречащее осуществляемой функции правосудия и статусу суда как независимого участника процесса, поскольку его реализация необходима для вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения. Оно является необходимой гарантией права на судебную защиту.

Подводя итог, отметим, что разъяснения и правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, безусловно, вносят определенную ясность во множество вопросов правового регулирования судебного производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, при этом множество нерешенных проблем в его законодательной регламентации требуют системного подхода и комплексного решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016>
2. Ларин Е. Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2015. № 2.
3. Николюк В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 № 21 «О практике применения законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. 2012. № 3.
4. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 // Рос. газ. 2014. № 124. 4 июня.
5. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 (ред. от 29.11.2016) // Там же. 2011. № 296.
6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Там же. 2015. № 150.

7. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 17.11.2015) // Там же. 2009. № 75. 29 апр.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 351-О.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 406-О.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 г. № 1053-О-О.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 г. № 257-О-П.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 279-О-О.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 373-О-О.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1282-О-О.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2003 г. № 20-П.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2003 г. № 20-П.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 г. № 8-П.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П.
20. Пупышева, Л. А. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии исполнения приговора: проблемы правоприменительной практики // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы науч.-практ. конф., 9–10 нояб. 2016 г. / отв. ред. А. Г. Антонов. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2016. С. 147–149.